Пять вечеров

Касаткина и Василев: Снегирное озеро

«Московский классический балет» — театр Наталья Касаткиной и Владимира Василева. У него нет своей сцены и в мире его знают лучше, чем в Москве. Его «Сотворение мира», «Дон Кихот», «Ромео и Джульетта» обвсудили планету, но у нас их мало кто видел. Из него вышли первые мировые звезды, на наша пресса и наши чиновники интересуются театрами с лепниной, кариатидами и хрустальной люстрой. В нем сегодня выступают мастера, но пишут о них только за границей. В Америке или Канаде внесли в книгу влиятельных обществ мира, но у нас об этом не подозревают. Входя в дом к одной из самых знаменитых балетных пар России, я чувствую себя на пороге театра исконного.

Вечер первый: КОРНИ

Па-де-де в Каретном

Реконструкторка: гостеприимная дача в Снегирях, хозяйка кормит с вкусняшкой, на террасе отдыхает ее мама — писательница Анна Алексеевна, в дверь с любопытством заглядывает внук Коля, и всё, включая затейливый стол, сделано хозяином. Здесь живут создатели целого направления в русском балете, здесь их Снегирное озеро.

— Я слышал, ваше генеалогическое древо не охватишь взглядом.

Касаткина: Оно огромное. Сама-то я деревенская девчонка Касаткина — папа из Пошехонья. Касаткины были купцами, они в Москве начали торговлю каретами — так образовался Каретный ряд. А по маминой линии все сложно: бабушка Вера Николаевна — урожденная Бромлей-Шервуд. Предки — предки, которые приехали из Англии в Россию.

Василев: Знаете Шервудский лес из Нексфорда? Это наш! И завод, который позже назвали «Красный пролетарий». И Парк культуры с Нескучным садом — там был наш дом с белым роялем...

К.: После революции все отобрали, но Бромлей были талантливым инженером, и Ленин предложил им остаться. И они вросли в Россию. Прадед строил Туркэмб. На параде ранении, когда делал доклад, у него схватило сердце, он сказал с трибуны: «Товарищи, я умер». И умер.

В.: Бабки всерьез спорили: есть ли в роду королева?

— Кого они имели в виду?

К.: По-моему, голландскую. Кроме англичан, в роду были немцы, голландцы, французы — уже по линии бабушкиной мамы Веры Владимировны Шервуд. Ее сестра была матерью живописца Фаворского. Эти аристократические семьи были так тесно связаны, что мамин брат Лев Алексеевич Карташов был женат на своей родственнице — правда, дальней, на уроженцев Дервиз. А Дервисы были связаны с Чеховым и Серовым. В Ясной Поляне я видела книжку с генеалогическим древом Толстого — выяснилось, что и там есть какие-то связи. А еще мы дальние родственники с Михалковыми и Кончаловскими.

— А как в ваш круг затесался Станиславский?

К.: Бабушкина сестра Наталья была замужем то ли за побочным сыном Станиславского, то ли за братом сына Станиславского. И у нас в доме стояла стол Станиславского.

В.: Замечательный стол: с потайным ящиком, где Станиславский хранил нескромные журналы. Он сгорел вместе с домом, а шкатулка. подаренная Станиславскому одной из его возлюбленных, осталась.

— Жаль, не было журнала «Казаки историй» — Станиславскому бы не поздоровилось. А как шкатулка попала к вам?

К.: От тетушки. Хрустальная шкатулка с серебряной крышечкой. Вера Владимировна Бромлей родила много детей, выжили только девочки. И все были талантливы. Одна стала физиком, другая — художницей, бабушка преподавала немецкий, тетя Надя была актрисой. Одним из ее возлюбленных был Иван Бересенев — это вот его колечко. Она писала произведения в стиле Серебряного века, причем очень лихо.

В.: Когда я впервые ее увидел, она сидела за столом в мужской шляпе с вуалеткой и в перчатках. Накалывала кусочек, поднимала вуалетку, отправляла в рот. В Москве ее нечто забирала милиция — она занималась фотографией. Рассказывала: «Иду по набережной и вижу — лежит роскошный пьяный комсомолец! Я стала его фотографировать, но меня почему-то забрали». На ее книги есть отзыв Луначарского!

— Это называет- ся: открывалась бездна, звезд полна. Вы чувствуете себя счастливыми от причастности к такой истории?

К.: Конечно, ведь я общалась с этой людьми. Мамин брат был химик — главный специалист СССР по полимерам. И женат он был на дочке Демьяна Бедного. Так что у Демьяна Бедного и тоже на руках сидела.

— Вы можете сразу сказать, у кого еще вы сидели на руках?

— У Фаворского: он обертывал руку носовым платком и показывал, как купил приезжает на постоялый двор и его ночью кусают клопы.

— Вот слушаю вас и думаю о несчастье страны, которая заменила с отрубленной историей. Ощущение потерянности не имеет о предках?

— Я встречалась с людьми, которые не знали даже дедушки и бабушки. А я застала еще прабабушку! Но вообще я думаю, что в семье меня всерьез не принимали: балерина Касаткина такая. А они аристократы. Вы не представляете, какие у них носы, какие формы голов...

Ученик Касаткиной и Василева Владимир Малахов пять лет был лицом их театра. Теперь в мире его называют танцовщиком века

• КОЛЛЕКЦИЯ РУКОПОЖАТИЙ

Среди людей, с которыми жизнь свела наших собеседников, Роберт Кеннеди и Ухо Кекконен, Мао Цзэдун и Чжоу Эньлай, Борис Ельцин и Жаклин Кеннеди, Морис Торез и Климент Ворошилов, Игорь Стравинский и Джером Роббинс, Джордж Баланчин и Элизабет Тейлор, Марк Шагал и Давид Бурлюк, а также легендарная Анастасия Романова, чьи автографы хранятся в семейном архиве.

Вечер второй: ДЕЛО

Что на роду написано

— Как я понял, в семье никто не был связан с хореографией. И вы открываете новую страницу...

К.: У нас все заранее знали, кто кем будет. Бабушка-фантазерка каждого назвала в чью-то честь. Ану — в честь Анны Карениной, Леву — Льва Толстого, Давида — Давида Копперфильда, но не фокусника, а из Диккенса. Деве было шесть лет, когда он начал резать фигурки, и с детства знал, что он скульптор. Давида звали «адский пожиратель» — он с трех лет увлекся химическими опытами. Маму, как аристократку, в вуз не приняли, она была чертежницей у папы, но всегда знала, что она писательница. Я всегда знала, что я балерина. В 8 месяцев мама носила меня к профессору Сперанскому — ей показалось, что у меня кривые ножки. Он посмотрел и сказал: балериной будет. Впервые я танцевала на пионерском костре, мне дали пачку, сделанную из каких-то перьев. После войны попросилась в хореографическое училище. Приняли, хотя конкурс был 500 девочек на 30 мест. Со мной училась кинорежиссер Светлана Дружинина, самая красивая девочка в школе. А училась я средненько. До шестых хорошо танцевала, потому что этого хотела. А когда началось: ножки тощ, руки сюда — зажалась. Держала спину и делала все как надо, но по характеру тянущего у меня была двойка, и что еще обещал, с плюсом.

— Владимир, а вы откуда?

— А я и не знал о существовании балета. Но в 43-м старший брат прочитал, что Игорь Моисеев набирает детей в школу и предлагает продуктовую карточку. Я там показался, но в списках меня не нашли. Попробовался в училище при Большом, и туда взяли сразу — не потому, что я хороший, а просто мальчишек не было. И тут же пришло письмо: меня приняли и к Моисееву. Но я предпочел Большой. А еще учился композиции у знаменитого Каретникова — на одном курсе с Владимиром Дашкевичем.

— И писали музыку?

— Конечно. Романсы.

— А как вы нашли друг друга?

В.: В Большом жизнь была скучная: «Лебединое» — «Жизель», «Лебединое» — Жизель»... «Рубиновые звезды» выпускали семь лет, «Каменный цветок» — пять. Ездили в концертные турне. Андрей, приятель, мне говорит: тут девочку приняли, возьми ее с собой и посмотри за ней — я хочу на ней жениться. Девочка и взяла...

К.: И до сих пор следит. А Андрюша остался нашим другом.

— Принятие стиля, что у людей балета нет детства.

— Нет, это большая радость. Просто любить надо. Не любить — не надо заставлять детей идти в балет, потому что тогда это каторжный труд.

— Говорят, артистизм — признак интеллигентности.

— Когда Ваня был маленький, у нас была нянька Татьяна Андреевна — деревенская, добрая и пастырский природный интеллигент. Хотя и говорила Ване: пошли папу с мамой встретить. И мне говорила: *вот Лодю каждый день в новом пальте, а ты все в одном и одном!*

— Тогда в чем выражалась интеллигентность?

В.: В любви. Благородстве. Она ушла, когда Ване было 12: «Ну что же это такое, то я за Ваней ухаживала, то теперь он за мной!» А он вставал по ночам, чтоб дать ей капли. И потом каждый год сделал к ней на дни рождения — приводил портрет. Она была для нас родным человеком.

— Кроме балета, вы чем-нибудь увлекались?

— Моей первой любовью — причем настоящей! — был муж Нефертити Аменхотеп IV. Я влюблена в него была ужасно. А любовницей его была Майка мордвитка, совсем неинтересная.

— А почему от Нефертити он убежал к мордвитке Майке?

— Представления не имею. Как-то Катя Максимова мне сказала: не ревнуй Володю к по-настоящему красивым женщинам — они его опаразиривают. Поэтому к Нефертити я его не ревновала.

К.: На «Весне священной» в Нью-Йорке был Джером Роббинс — сказал, что на Западе мы были бы миллионерами. Спросил, сколько мы получили за постановку. Мы сказали: 800 рублей! За самом деле — то ли 200, то ли 300.

В.: А за постановку балета «Ревизор» я остался должен театру сто рублей.

— Как это?

— Мы же артисты, у нас норма: 22 спектакля в месяц. Никто такую норму не выполняет. И за каждый недотанцованный спектакль вычли.

К.: Нам предлагали театр в Америке. Владели богач, его дочка танцует. Он решил, что построит для почки театр, а мы будем им руководить. Мы отказались — он поставил условие: без русских артистов. Там закон: если есть безработные американцы — нельзя брать из-за границы. Нужно доказать, что никто из американцев такого не сделает.

— Если у русского балета такая слава — почему его так дешево покупают?

В.: Потому что многие согласны работать за бутерброд. Мы должны были есть в Италию на гастроли, и поедет какой-то провинциальный театр — дешевле, импресарио на нем больше заработает.

К.: И на афише будет: «звезды Большого». Так делается постоянно. Мы выступаем за границей как Московский классический балет, а труппы дают сходные названия: Московский балет «Классика», например. Для иностранцев это одно и то же. Уже есть самодеятельные листы: набирают танцовщиков в маленьких городах и выдают за труппу Большого. И объясняют всем мир, увозя сказывальную славу.

— Вообразим, что строительство нашего театра закончено. Какие от вам видятся? Только балет?

— Не только. Мы ведь нагрешили и в опере, и Госпремию получили за «Петра Первого». Будут балеты, оперы, мюзиклы. Театра еще нет, а предложения ставить мюзиклы есть: Илья Резник предлагает «Золушку».

— Больно слышать, сколько времени уходит на выбивание денег. Сколько бы шлеверов возникло! Надо было вам принять предложение того американца.

В.: Знаете, лежим мы на пляже в Бразилии — солнце почему-то заходит в другую сторону, и все не так, как у нас — и мечтаем о наших Снегирях. Не можем без этого. Не хочется говорить о патриотизме, скажу просто: мы здесь родились — и должны хлебать это дерьмо.

— Но вы, по-моему, не воспринимаете это как ваш крест.

— Нет, абсолютно. Нам предлагали возглавить Кировский театр, даже назначили день встречи с труппой. Но Сергеев и Дудинская всем говорили: как этих модернистов можно пускать в академический театр!

— А откуда взялась репутация модернистов?

— Мы работаем в неоклассической манере, и эта новая пластика появилась у нас первых. Когда стали «Петра», в Мариинке были полупустые залы. Раньше был оперный бум: «Две примадонны в подзнай час колоратурных удивили»... Потом начался бум балета, и «Петр Первый» стал первой оперой, которая делала аншлаги.

— Вас, было время, заносили в черные списки?

— В Министерстве культуры был цензурщик: спектакли Касаткиной и Василева к постановке не рекомендовать.

— Почему? Что их так завелось?

— Фурцева приходила на «Геологов», указания давала: «Я как женщина вас умоляю — наденьте на девочку юбочку». Мы объясняем: у них акробатические подержки, с юбочкой будет плохо. Но Фурцева твердо знала: женщина должна быть в юбочке. Мы хотели ставить «Сотворение мира» в Большом. А тут в Оперетте вышел балет «Адам и Ева», его увидела Фурцева и рухалась матом. «Адама и Еву» сняли, а звонко запретили и наш спектакль. Мы его поставили у себя в театре, и в парторгаты пришло больше ста писем: почему Адам и Ева голые! Выясняилось: почти все приславы с несуществующих адресов.

— Но вот интересно: вы модернисты...

— Нет!!

— Вы модернисты! Вас уже заклейнили и вам не отмыться. Как вы, модернисты, относитесь к балетным опусам «Золотой маски»?

В.: Наш новый российский модерн — пощечина общественному вкусу.

К.: Модерн весь начинался в России, причем был модерн спортивный, а был, как выражался Стравинский, «книжечно-жеспикулятивный». А теперь всё домоощенное: нет школы. Каждого надо учить сазов. И мы собираемся при театре учредить школу.

— Развивать традиции Нижинского?

— Скорее Фокина, Голейзовского, Айседоры Дункан. Было много направлений, которым советская власть скрутила головы. И Россия осталась только при классике. Хотя довела ее до блеска.

— У нас есть спрос на подобные эксперименты?

— Спрос — на традиционную классику. И есть часть молодой аудитории, которая уже не пойдет на классику, а будет радоваться мюзиклам.

— Вы говорили о потерянном поколении — что вы имели в виду?

В.: Не учатся, может машины, безрамотные. В театры не ходят, книг не читают. Что из них вырастет? Жулики, убийцы? Это ЧП!

Вечер четвертый: ВЫБОР

Цена свободы

— Среди ваших артистов были Михаил Барышников, Александр Годунов, Ирек Мухамедов. Потом они уехали искать творческую свободу, но нашли ее не все. Что произошло с Годуновым?

К.: Он умер странно: передозировка спиртного и наркотиков. Он себя уничтожал, и такое впечатление, что сознательно. Он был талантливее всех, кто работал в его время. Если бы его колоссальная силища была вострепована, может, ничего бы не произошло. Он безумно любил Мику Власову, свою жену. Мы летали с гастролей, и он не мог усидеть в кресле: сейчас увижу Мику! Встретившись, вцепились друг в друга и стояли бесконечно долго. Необыкновенная была любовь! Они часто ссорились — как очень сильно влюбленные, обжигались друг об друга.

— Как же возникла мысль о побеге?

— Все началось на гастролях в Америке. В лос-анджелесском отеле шел прием, был цвет Голливуда, а парила Майя Плисецкая — суперзвезда. Саша был пьяненький, много пил, стал пырять в бассейн, повредил руку, его не могли увести. Сели в автобус, и я видела, как он, положив голову на плечо Нины Сороконог, что-то ей говорил. Назавтра Нина сказала: будет что-то страшное. Когда уехали из Нью-Йорка, пошел снег: Он был в джинсовом костюме, грудь раскрыта. Подошла Майя: Саша, если вы хотите остаться, пожалуйста, не делайте это в моем гастроли. Попробовала ему запахнуть грудь, но его даже перелернуло: мол, хочу пострадаться, мне уже все равно. Он тогда вернулся и не выезжал лет шесть. Много раз оформлялся, готовился ехать в суперпорт, но ему звонили: нет виза. Тогда он и начал пить. А потом были гастроли в Америку — оттуда он уже не вернулся.

— И у вас сделали фильм о том, как спецслужбы выпудили артиста остаться в США и как его жена не хотела выходить из самолета, пока не вернут мужа. И все пассажиры в знак солидарности тоже.

— Саша хотел остаться, но — с женой. Хотела ли этого она — не знаю. Он ушел с приятелями, они ему устроили хорошую пьянку и сделали фото, где он лежит среди бутылок. В то время это был приговор. Их разделили, а наши уже взяли с Мику. Но все сидели в самолете не из солидарности, а потому что был приказ. Самолет все-таки вылетел, а Мику подцепил бриллиантовый браслет. Она любила бриллианты, но Сашу любила больше.

— Я видел его в голливудских фильмах — он играл неплохо.

В.: Он женился на звезде Келли Макгиллис. А Мику свою продолжал любить и балет тоже, организовал школу в Лос-Анджелесе. Но однажды в Фонд Нуреева позвонили и сказали, что Саша не открывает двери. Приехали — а он уже четыре дня лежит мертвый.

— Рассказите о Малахове. Он успешно танцевал — и все же ушел?

К.: Он не собирался уезжать — ему нравилось у нас работать. Даже отказался перейти в Большой театр. А уехал из-за криминальной обстановки, которая сложилась в России. Не вдавайся в подробности, скажу: мальчик был в опасности. И от семье ушел. Мы боялись, что эта опасность последует за ним — как выяснилось, не без основания.

— Нет пророка в своем отечестве: имя он получил только за границей.

— А здесь была ревность — он не танцевал в Большом театре. Пришло сказать, что суперзвезды могут быть только в Большом и Мариинском. Вот у нас Катя Березина лучше звезд Большого — то же имя не гремит. А она супер, такой больше нет нигде!

Вечер пятый: КАЗУСЫ

Гладиаторы, кошки, хлопушки

— В объявленный ЮНЕСКО Год Хачатуряна вы обещаете заново открыть «Спартак». Но в сознании наших людей балет XX века «Спартаком» начинается.

«Спартаком» заканчивается, им же исчерпывается. «Спартак» — наша революция, наш футбол, наш пан Мишушин, наше всё. Что еще там можно открыть?

К.: Было три версии. Сначала Игоря Моисеева. Потом Якобсона, я там танцевала Фригию. Но Хачатурян из огромной партитуры не хотел отдавать ни ноты. Дирижер Файер говорил: мы с Аравом Ильичом встречаемся только за чашкой валидола — такие шли бои. Григорович сумел уговорить его сделать купюры. Но тот все равно жалел: «Наташенька, здесь у нас был танец с животиками — как же без него!». Наша версия — четвертая. Другой взгляд на историю и хореографию. Музыка балета эротична, но эротика раньше была невозможна. Либретто — результат большой исследовательской работы, перерыли множество материалов. Гарибальди писал: Спартак — исхуплитель рабов. Главными будут темы верности, предательства друзей, подавления государством личности. Спартак бегит, образован, талантливый стратег. В плену он начал движение за освобождение рабов. Но его друзья, упоенные победами, решили идти на Рим, начали грабить и сами стали превращаться в патрициев. У Хачатуряна есть изумительный финал, который никогда не воплощался на сцене...

В.: Из пяти часов музыки «Должна быть» около трети не исполнялось!

— В партитуре были, а ввиду, и хоровые партии.

В.: И мы их используем. Есть божественный контр-тенор Эрнс Курмангалиев — хоровые эпизоды отдазим ему, и еще будут петь пять-шесть мальчиков. В I веке до нашей эры по Европе уже бродили первые христиане. Это режиссеры-наблюдатели, они не вмешиваются в действие, но ему сопереживают. Один взрослый и его ученики.

— Вернемся к вашей карьере — что в ней вам кажется забавным?

В.: Когда я выходил на пенсию, то обнаружил семь приказов о выговоре, о строгие, о сокращении зарплаты и снижении разряда — за курение. У нас был артист Преображенский, он входил в гримерку и сразу клал десять рублей — штраф поварам за курение. А если всерьез, то мы с Натальей, конечно, мешали Большому театру — мы хотели что-то делать. И ухудшили «Сотворение мира» в Ленинград.

— Вы сами [illegible] уходить — для нас это [illegible]. И этот золотой зал! Из [illegible] видно, в со сцены он [illegible] такого нет ни в одном театре. И самая удобная сцена, и покат такой, какой надо, и размеры — прыгай не хочу. Мы очень любим там запах — сложный запах разных духов. Сейчас там пахнет кошками. 72 кошки там живут.

— И на сцену выходят?

— Выходят. Одна кошка прыгнула в оркестр — в зале был хохот...

— У вас там была своя клака?

— Поклонников, которых надо подкармливать, возить из-за границы подарки, у меня не было.

— А им нужна водкорика?!

В.: Ха, всё куплено! Я был комсомольским секретарем и объявил борьбу с этими «хлопушками». Через пять минут выхожу из подъезда — толпа «хлопушек» встретила и объяснила: твои жена так припонимает! И вот — «Дон Кихот» с другой танцовщицей, поклонники, как всегда, сидят в буфете, но я ее выхожу изуг в зал и вопрошаю орут. А когда танцует Наталья — они остаются в буфете. Такая месть.

— А какая артисту радость от хлопанного ора?

К.: Когда сама себе покупаешь аплодисменты и букет — конечно, никакой. Но сейчас мне этих «хлопушек» не хватает. За плату они хлопают кому угодно, но в искусстве разбираются. Видели все спектакли и все исполнения — все знают. Послушать их рассказы — что-то невероятное!

— А что вам в такой увлекательной жизни совсем не удалось?

К.: Когда балетом Большого театра руководил Владимир Васильев, мы готовили «Мастера и Маргариту». Проект ушел вместе с Васильевым. Когда ГАБТом руководил Геннадий Рождественский, договорились о постановке «Бури» по Шекспиру на музыку Сибелиуса, «Поэмы Прометея» Бетховена и «Шута» Прокофьева — проекты ушли вместе с Рождественским. А еще не удалось сыграть драматическую роль. У меня такой выразительный голос, и я петь могу. Проводили для фильма «Ледяной дождь», гримерша трудилась и приговаривала: «Не понимаю Хуциева — ну кого он приводит!». А я безумно хочу играть и заницую всем нашим, кому повезло.

— Все сбудется и мы начнем новую главу нашего рассказа, хорошо?

Валерий КИЧИН